

Ответ господину С... на его разбор I части "Мнемозины", помещенный в XV номере "Сына Отечества"

В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи
Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак
Л., "Наука", 1979
Серия "Литературные памятники"
[OCR Бычков М.Н.](#)

Не знаю, кем писан помещенный в XV номере "Сына отечества" разбор первой части издаваемой нами "Мнемозины". Несмотря на то, что некоторые мнения сочинителя сей статьи, как мне кажется, несправедливы, - я не подозреваю его *ни в личном, ни местном пристрастии* {Слова г. С...} (предубеждении?) и потому-то считаю приятною для себя обязанностию отвечать ему.

Начну с признания. Строго г. С... судит о наружном виде "Мнемозины"; но, к несчастью...

On fait ce qu'on peut,
Et ne pas ce qu'on veut! {*}
{* Делают то, что могут, а не то, что хотят! (франц.).}

Вслед за сим грозным приговором, сказав о "Стариках острова Панхай" кн. Одоевского, что мысль, служащая основанием сей статьи, весьма остроумна, что в ней есть счастливые выражения и верные замечания г. Рецензент спрашивает:

Когда же складны сны бывают? ¹

Таким вопросом, по моему мнению, не должно бы оканчиваться суждение о статье, достоинство коей признает сам г. Рецензент.

Далее: разбирая мое описание Дрезденской галереи, он предполагает что художник может изобразить *идеал безобразия*. Что такое идеал безобразия? Не то же ли равно, что *светлая темнота* или *знойный мороз!*

Г. Рецензент находит слишком решительным мой приговор, что Рубенс лишен всякой прелести. Уверен, что в моем обозрении Дрезденской галереи много ошибочного, много незрелого, уверен, что теперь на картины составляющие сие собрание, я сам смотрел бы совершенно другими глазами; отпечатал же я свою статью именно для того, чтобы она встретила просвещенных, умных противников и чтобы тем обратила внимание наших литераторов и путешественников на феорию изящных искусств вообще и живописи в особенности. Но дабы убедить меня в том, что и Рубенс может быть *прелестным*, господину Рецензенту, кажется, надлежало бы привести другие доказательства, а не указать мне на так называемую "Историю Марии де Медичи" ² - ряд сухих, холодных иносказательных картин, находящихся в Луврской галерее, произведений, достойных примечания - по одной своей огромности.

Г. Рецензент спрашивает, где я нашел, что краски Рембранта мутны, и уверяет, что в некоторых портретах, находящихся в Санкт-Петербургской Эрмитажной галерее, он, т. е. Рембрант, блистает *всею* (?) *свежестью*, *несмотря на расстояние веков* (?), *которые не могли его потемнить* в своем полете (?). Галерею Дрезденскую помню лучше Санкт-Петербургской Эрмитажной, ибо по моем возвращении из-за границы не удалось мне вновь посетить сию последнюю. Итак, быть может, г. Рецензент прав; но он забывает, что говорю о Дрездене, не о Санкт-Петербурге; об исторических картинках, а не о лиценачертаниях (*лиценачертания* - с позволения г. Рецензента).

Долг платежом красен; на вопросы г. Рецензента осмелюсь и я предложить ему вопросы: где г. Рецензент нашел, что нахожу больше прелести в картинах Альберта Дюрера и Луки Кранаха, нежели во всех произведениях Фламандской школы?

В отношении к *искусству, прелести, обделке* говорю (на стр. 78 Мнем<озины>), что лучшее мною виденное произведение старинной Немецкой школы, "Мадонна" Гольбейна, может выдержать сравнение с картинами лучшего времени Нидерландской школы: где же тут предпочтение? Что же касается до *поэзии*, до *души*, это иное дело! Чувства, теплоту и вдохновение - истинные, главные достоинства прямой поэзии - я точно в самых безобразных созданиях Луки Кранаха и Альберта Дюрера встречал чаще, нежели в